

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Ф62

Элен Фир
ИМАГО

Дизайн обложки *Владислава Воронина*
Иллюстрация на обложке *Тамары Герасун*

Фир, Элен.
Ф62 Имаго : роман / Элен Фир. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 496 с.

ISBN 978-5-17-118282-3

Выжившие после укуса Королевы люди, ставшие кровожадными монстрами имаго, лелеют надежду на ее гибель, ведь, по легенде, расправиться с жестокой правительницей может только собственная дочь.

Главная героиня Оливия, бездумно тратившая жизнь на бессмысленные вещи, становится жертвой одного из имаго. На изнанке привычного мира каждый шаг грозит обернуться гибелью от когтей безумных существ. Цепляясь за жизнь, Оливии предстоит найти таинственную дочь Королевы и помочь той исполнить миссию... но она не подозревает, что времени у нее почти не осталось.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-118282-3

В оформлении издания использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com
© Элен Фир, 2019
© Тамара Герасун, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Моей единственной любви
и моей дорогой семье
посвящаю.

Пролог

Уже несколько часов шел проливной дождь. Шлепая по черным блестящим лужам, девушка задыхалась от быстрого бега. Ее лицо посерело от страха и усталости, на щеках проступили ярко-розовые пятна. Сумку с документами, ключами и прочими мелочами она давно бросила на одном из поворотов — как балласт, ведь преследователь не был грабителем. Он определенно хотел чего-то другого.

Девушка свернула за угол и вжалась в стену, прикрывая ладонью рот. Она кожей ощущала чудовище, неотвратно движущееся сквозь вечерние сумерки: тяжелая поступь отдавалась вибрацией во всем теле, как первобытная музыка. Теперь оно иступленно принюхивалось. Запах пота, духов и соленой крови, выступившей на разбитом колене, пробивался даже сквозь завесу дождя. Убежать не получится. Слишком поздно.

Девушка затаила дыхание. Утробное урчание раздалось совсем близко, и этот дикий, неестественный звук перерезал последние струны здравого смысла. Обезумев от страха, девушка развернулась, чтобы снова бежать,

но цепкие лапы схватили ее и потянули к себе — так стремительно, что засвистело в ушах.

Отчаянный крик на пару секунд вспорол ночь и оборвался.

Где-то на востоке заворчала гроза.

ЧАСТЬ I
ОХОТА

В детстве я перечитала сказок о вампирах и грезила тем, чтобы уметь превращаться в летучую мышь, носить мантию, жить вечно и спать в гробу. На самом деле быть вампиром — это как становиться взрослым: ни одно из твоих ожиданий не оправдывается.

«Книга Смерти», заметки на полях от одного из держателей.

Глава 1

В детстве я ужасно боялась старого шкафа в своей комнате. Эти скрипучие двери, вечно приоткрытые, липкая мгла внутри... Обходя кровать, прежде чем лечь спать, я всегда замирала в необъяснимом ужасе перед полированной громадой. Казалось, тени внутри ожили и тянут чудовищные руки, чтобы утащить меня и съесть. Тогда я бегом неслась в постель, накрывалась одеялом с головой и пыталась уснуть, дрожа от глупого страха.

Став взрослой, я сама превратилась в такой шкаф: сияющая, с неизменно приоткрытыми створками — в самую глубь, в крошечную темень. И теперь я боюсь, как бы оттуда не показалась уродливая морда чего-то похуже, чем монстры из детских страшилок.

* * *

Страшный сон растворился с приходом утра. Я перекатилась на спину, проморгалась и хмуро уставилась в потолок. В голове как будто копошились крысы — так сильно она болела. Надо бы скорее найти «Алказельтцер». Отшвырнув одеяло, я вскочила с кровати и прошлепала к двери в ванную. Где-то в зеркальном

шкафчике еще был аспирин, я уверена... Да, точно! Запив пилюлю водой из-под крана — божественный нектар, не иначе, — я блаженно закрыла глаза.

Что что-то не так, я поняла через пару мгновений. Коврик был сырым; в воздухе висел тяжелый горячий пар... Кто-то принимал душ? Кто? Встревоженная, я выскочила из ванной комнаты и ринулась на кухню. Подозрения подтвердились: на столе стоял деревянный икеевский поднос, нагруженный чашкой с хлопьями и ароматным кофе в блеске подтаявшего льда. И — надо же! — флакон «Алка-Зельтцера».

Кто-то прислонил к керамической солонке отвратительное доказательство преступления — полароидный снимок. Я брезгливо взяла его за уголок и расплылась в улыбке. Оливия Йелловуд собственной персоной: пьяная физиономия блестит (даже качественная пудра не смогла сдержать жир, которым сочилась моя кожа), волосы падают на смеющиеся глаза, зубы отражают блик фотовспышки, как в рекламе инновационной отбеливающей пасты. А рядом красавец, каких поискать, — мускулистый, ухоженный, словно сошедший с глянцевых обложек. Такие позируют с высушенными старыми клячами, но никак не с потными, почти тридцатилетними (как больно!) коровами. Я перевернула карточку.

Надеюсь, твое утро будет свежим и бодрым, как этот кофе, Лив! Спасибо за прекрасный вечер. Выпей таблетку. Сегодня тебя ждет самый лучший выходной!

Натан Гейбл

Натан Гейбл. Бариста. Черная футболка, бицепсы, взъерошенные светло-каштановые волосы. От него пах-

нет шоколадом, сливками и мужским гелем для душа. Я крепко задумалась. После пары выпитых стаканов во мне просыпалась Лив Гадкая Кадрила, за ошибки которой приходилось расплачиваться Утренней Оливии. Вчера мы немного повеселились в «Давилке», а потом...

Потом — поднос с хлопьями и «Алка-Зельтцер».

Не умывшись как следует, я вытащила из морозилки ведерко «Бен-энд-Джерриз», села на диван в гостиной и включила телевизор. О, какое-то шоу про шестнадцатилетних девиц с богатыми папочками. Им не надо волноваться о том, что скоро вносить квартплату, что на работе полный разнос, а еще на носу двадцать восьмой день рождения. Я замерла, так и не донеся ложку с мороженым до рта и глядя на высушенную блондинку-подростка, истерично вопящую об испорченной вечеринке. Все родители — сволочи, никто в мире не понимает брендированного, клейменного «Адидасом», «Москино» и «Амэрикен Аппарел» подростка. Пройденный этап, позорная ступень развития, черная страница в жизни каждого человека, о которой можно сказать: *«Слава богу, оно закончилось»*. Я попыталась вспомнить свой пубертат, но мозг успешно заблокировал неприятные эпизоды, оставив лишь привкус металлических пластинок на зубах.

Стационарный телефон заверещал. Я отставила мороженое на диванную подушку и, лениво потянувшись, сняла трубку.

— Алло.

— Привет, Оливия.

Я сразу узнала звонившего: только он всегда звал меня полным именем. Убрала звук телевизора, и тощая девушка на экране продолжила свои пляски на месте уже молча. Теперь шоу напоминало изгнание дьявола —

не хватало только преподобного, брызгающего на нее дешевыми духами. Это бы сработало эффективней святой воды.

— Привет, Джейк.

— Чем занимаешься? Как дела?

— Дела? — Я подняла ведро. На светлой обивке дивана остался темный мокрый круг от конденсата. — Отлично дела. Сажу в трусах перед телевизором, ем мороженое.

— Ничего не меняется.

Такой чопорный, даже говорить всегда старается с британским акцентом. Я раздраженно поковыряла мокрое пятно.

— Так... зачем ты позвонил?

— Мы собирались сегодня встретиться в парке, помнишь?

— Конечно помню! — Нет, я не помнила. — Во сколько?

— В одиннадцать, как и договаривались. — Кажется, голос Джейкоба стал недовольным. — Холли все время говорит об этой встрече.

Я уронила ведро на пол, и оно возмущенно блямкнуло, разметав ошметки содержимого. Восьмой день рождения племянницы оказался испорчен, когда я устроила грандиозный скандал, поругавшись с братом, и ушла с торжества — естественно, все это на глазах у его жены, Великолепной Шерил, Герцогини Сучьих Морд. После этого никто мне не звонил, а я делала вид, что так и надо.

— Она любит тебя, — со вздохом произнес Джейк, — правда, не знаю за что. Увидимся, Оливия.

— До встречи, братец.

Я устала в немой экран телевизора, отчаянно желая, чтобы он засосал меня внутрь, в горячие просторы Аризоны, но долг требовал возвращаться в реальность. На встречу с братом нужно было подобрать одежду — что-то максимально закрытое, женственное и желательное без пятен. Я выудила плечики с черным кашемировым джемпером и придирчиво осмотрела вещицу. Катъшки.

К половине одиннадцатого в отражении ростового зеркала жалко горбилась девица, облаченная в неудобные вещи, с прической, которая ей совершенно не шла... все как надо. Это особенный ритуал: бабочка должна сложить свои потерянные крылья и снова стать куколкой. Ритуал, без которого мой брат сможет и дальше свистеть у уши своей семье о том, какая распутная у него сестра.

В лифте мне встретила супружеская пара. Я не знала их имен — мы только вежливо и немного неловко улыбнулись друг другу. Мужчина казался уставшим, но вот его жена... Буквально все в ней испускало сияние: и пепельные волосы, заплетенные в косу, и лучистые добрые глаза, и нежные руки с ногтями под ноль. Под тонким витым пояском под грудью виднелся аккуратный животик. Я забыла как дышать. Там, внутри, маленький человек. Копия этих мужчины и женщины, плод их любви. Такой же была Холли, да и я когда-то. Лифт звякнул, вспыхнула единица над дверью. Глядя, как муж аккуратно ведет жену под руку, я почувствовала горечь. У меня такого никогда не будет.

* * *

В парке было тихо и спокойно. Пожилые пары задумчиво вздыхали на лавочках, вспоминая лучшие годы, и укоризненно качали головами вслед расшумевшейся